

*Посвящается Керстин и Луису Спаррам
С любовью*

Жадность, за отсутствием более подходящего эпитета, — это хорошо.

Жадность — это правильно.

Жадность срывает.

Жадность проясняет, выявляет и определяет сущность эволюционного духа.

Жадность во всех ее формах: жадность к жизни, к деньгам, любви, знаниям — стала движущей силой прогресса.

Гордон Гекко. Уолл-стрит. 1987 г.

Пролог

Нью-Йорк, 15 декабря 2009 г.

Срок расплаты настал.

Боги потребовали жертвы. Человеческой жертвы. В Древнем Риме захваченные в плен вражеские вожди подвергались ритуальной казни — удушению на поле боя перед статуей Марса, бога войны. Собравшиеся приветствовали казнь одобрительными криками, требуя не справедливости, но мести. Крови.

Здесь не Древний Рим.

Это современный Нью-Йорк, вечно бьющееся сердце цивилизованной Америки.

И все же он походит на Рим.

Потому что постоянно находится в состоянии войны.

Город страдающих озлобленных людей, которым необходимо винить кого-то в своих страданиях. В своей боли.

Сегодня человеческая жертва будет принесена в холодно-равнодушных, клинически-опрятных стенах манхэттенского уголовного суда.

От этого жертвоприношение не будет менее кровавым. Обычно бригады телевизионщиков и орды упивающихся

чужим горем зевак слетались сюда только на те процессы, где судили убийц. Сегодняшний ответчик Грейс Брукштайн никого не убила. Во всяком случае, лично. И все же немало жителей Нью-Йорка порадовались бы, если бы миссис Грейс Брукштайн угодила на электрический стул. Этот сукин сын, ее муженек, надул их. Обвел вокруг пальца. Он умудрился обмануть даже правосудие. Ленни Брукштайн — гори он в аду — имел наглость посмеяться в лицо богам. Что же, теперь боги будут убоготорены.

И человек, ответственный за это дело, — окружной прокурор Анджело Микеле, представитель народа, смотрел на противоположный конец зала суда, на будущую жертву. Женщина со спокойно сложенными на коленях руками, сидевшая на скамье подсудимых, ничуть не напоминала преступницу. Стройная привлекательная блондинка лет двадцати двух, Грейс Брукштайн была наделена ангельскими чертами милого ребенка. Подростком она занималась гимнастикой, и, став взрослой, держалась с грацией танцовщицы: идеально прямая спина, размеренные плавные жесты, грациозные движения.

Грейс Брукштайн выглядела хрупкой. Деликатной. Прекрасной.

Она была из тех женщин, которые неизменно пробуждают в мужчине инстинкт защитника. Вернее, могла бы быть таковой, если бы не украла семьдесят пять миллиардов: речь шла о самой крупной, самой скандальной афере в истории США.

Крах «Кворума», страхового фонда Ленни Брукштайна (молодая жена являлась совладелицей), нанес смертельный удар и без того искалеченной американской экономике. Тандем Брукштайнов погубил немало семей, обескровил целые отрасли промышленности и поставил на колени некогда великий финансовый центр Нью-Йорка. Они

украли больше, чем Мэдофф*, но не это было самым подлым. В отличие от Мэдоффа Брукштайны обирали не богатых, а бедных. Их жертвами стали обычные люди: пенсионеры, семьи рабочих, и без того едва сводившие концы с концами. Какой-то молодой отец семейства, разоренный Брукштайнами, застрелился, не в силах вынести позора, когда его детей выбросили из дома, за который он больше не смог выплачивать кредит. И за все это время Грейс Брукштайн не выказала и тени раскаяния.

Конечно, были и те, кто утверждал, что Грейс невиновна в преступлениях, приведших ее на скамью подсудимых; что Ленни Брукштайн, но не его жена, стоит за аферой с «Кворумом».

Окружной прокурор Анджело Микеле презирал подобных типов.

Слюнявые либералы! Можно подумать, жена и совладелица не знала, что творится. Все знала! Все! Ей попросту было плевать! Она растратила чужие пенсионные фонды, сбережения, накопленные честным трудом за всю жизнь, деньги на обучение ребятишек... Только взгляните на нее! Разве так одевается женщина, которой небезразлично, что из-за нее кто-то потерял свой дом?

В течение всего процесса пресса уделяла много внимания нарядам Грейс. Сегодня, на вынесение приговора, подсудимая выбрала белое платье от Шанель (7600 долларов), буклированный жакет в тон (5200 долларов), лодочки от Луи Вюитона (1200 долларов), сумочку (18 600 долларов), а также изысканное норковое манто, сшитое в Париже, специально для нее: подарок мужа на годовщину свадьбы.

* Создатель финансовой пирамиды, бывший глава совета директоров биржи «Насдак» Бернард Мэдофф, приговорен к 150 годам тюремного заключения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Утренний выпуск «Нью-Йорк пост» уже продавался на лотках.

Над крупным снимком входящей в здание суда Грейс Брукштайн бросался в глаза кричащий заголовок:

ПУСТЬ ЕДЯТ ПИРОЖНЫЕ!*

Окружной прокурор намеревался сделать все, чтобы на оставшуюся часть жизни Грейс Брукштайн забыла вкус пирожных. «Красуйтесь в своих мехах, леди. Сегодня вы надели их в последний раз...»

Анджело Микеле был высоким худошавым мужчиной лет сорока пяти, одетым в простой костюм от «Брук бразерс». Густые черные волосы, зализанные назад, напоминали блестящий шлем. Микеле слыл амбициозным профессионалом и строгим боссом: все помощники прокурора трепетали перед ним. В то же время он был хорошим сыном: что есть, то есть, этого не отнимешь.

Родители Анджело были владельцами пиццерии в Бруклине. Именно были, до того момента как Ленни Брукштайн «потерял» их сбережения и довел до банкротства. Слава Богу, Анджело неплохо зарабатывал. Без его помощи родители просто оказались бы на улице, разоренные и обездоленные, как многие трудящиеся американцы. По мнению Анджело Микеле, тюрьма была слишком легким наказанием для Грейс Брукштайн. Но это только начало. И он — тот, кто надолго посадит ее под замок.

На скамье подсудимых рядом с Грейс сидел человек, чьей обязанностью было сдерживать Микеле. Френсис Хэммонд III, или Большой Фрэнк, как его прозвали в кругу нью-йоркской адвокатуры, был самым низкорослым в зале. Ростом пять футов четыре дюйма**, он был чуть выше

* Фраза, якобы брошенная Марией Антуанеттой (1755—1793): «У них нет хлеба? Пусть едят пирожные».

** Приблизительно 153,5 см.

своей миниатюрной клиентки. Этот коротышка обладал мощнейшим интеллектом, до которого оппонентам было очень и очень далеко. Блестящий защитник с умом шахматного гроссмейстера и моралью подзаборного громилы, Фрэнк Хэммонд был Великой Белой Надеждой Грейс Брукштайн*.

Коньком адвоката были игры с присяжными, обличение и выявление страхов, желаний и предрассудков, о которых сами люди даже не подозревали, а также обращение всех эмоций в пользу подзащитных. Только за последние два года благодаря Фрэнку Хэммонду на свободе оказались двое подозреваемых в убийствах крестных отцов мафии и актер-педофил. Фрэнк брался только за сложные дела, и в числе его клиентов числились самые высокопоставленные особы, которым в начале процесса обычно грозили самые суровые приговоры.

В начале процесса Грейс Брукштайн представлял другой адвокат, но ее друг и доверенное лицо Джон Мерривейл настоял, чтобы она уволила его и обратилась к Большому Фрэнку.

— Ты невиновна, Грейс, — твердил Джон. — Мы это знаем. В отличие от остального мира. П-п-папарацци хотят, чтобы тебя повесили, колесовали и четвертовали, и все сразу. Фрэнк Хэммонд — единственный, кто сможет заткнуть им рты. Он гений.

Никто не понимал, почему Большой Фрэнк позволял Грейс Брукштайн каждый день являться в суд в таких вызывающих нарядах. Туалеты, казалось, были сшиты спе-

* Так называли чемпиона мира по боксу Джима Джеффриса, белого, который долгое время отказывался драться с черным чемпионом Джеком Джонсоном. В поединке победил Джонсон, что вызвало бесчисленные погромы, избиения и убийства негров по всей Америке.

циально, чтобы раздражать представителей прессы, не говоря уже о присяжных. Гигантская ошибка!

Но Фрэнк Хэммонд ошибок не допускал. И Анджело Микеле знал это лучше кого бы то ни было.

В его безумии была своя метода. Ее просто не могло не быть. Хотелось бы только понять, в чем ее суть...

Все же это не так уж и важно, думал прокурор. Сегодня день вынесения приговора, и выстроенная им линия обвинения безупречна. Грейс Брукштайн ждет крах. Для начала — тюрьма. Потом — ад.

Этим утром Грейс проснулась в гостевой спальне Мерривейлов с чувством глубочайшего покоя. Ей снился Ленни. Они находились в нантакетском поместье, самом ее любимом из всех дорогих, обошедшихся в миллионы долларов домов. Они гуляли в розарии. Ленни держал ее руку. Грейс ощущала тепло его кожи, знакомую шероховатость ладони.

— Все будет хорошо, дорогая. Верь, Грейси. Все будет хорошо.

Входя в зал суда рука об руку с адвокатом, Грейс едва не ежилась от ненависти толпы. Сотни взглядов буквально сверлили ее со всех сторон. Со всех сторон неслись свистки и оскорбления:

— Стерва!

— Лгунья!

— Воровка!

Но она цеплялась за то состояние покоя, в котором проснулась сегодня утром. В ушах продолжал звучать голос Ленни: «Верь, Грейси. Все будет хорошо».

Прошлой ночью Джон Мерривейл твердил то же самое по телефону. Благодарение Господу, у нее есть Джон! Не будь его, Грейс попросту пропала бы! Все покинули ее в трудный час: друзья и даже родные сестры.

Крысы побежали с тонущего корабля.

Именно Джон Мерривейл едва не силой заставил Грейс обратиться к Фрэнку Хэммонду.

В данный момент адвокат произносил заключительную речь перед присяжными. Неукротимый маленький человек гордо расхаживал взад-вперед перед присяжными подобно петуху на скотном дворе. Из его разглагольствований Грейс были понятны только отрывки. Суть прений сторон оставалась для нее недоступной. Но она точно знала — защитник добьется оправдания. Тогда, и только тогда, начнется ее настоящая работа.

Выйти из суда свободной? Это только начало. Предстоит еще обелить свое имя. И имя Ленни. Как же она тоскует по мужу! Почему Господь захотел отнять его у нее? Почему всему этому суждено было случиться?

Фрэнк Хэммонд закончил говорить.

Настала очередь Анджело Микеле.

— Господа присяжные заседатели! За последние пять дней вы слышали немало сложных юридических споров. Достаточно веские аргументы приводились как мной, так и мистером Хэммондом. К сожалению, избежать этого было невозможно. Масштаб мошенничества в «Кворуме» — 75 миллиардов...

Анджело помедлил, чтобы до каждого из присутствующих дошла вся невероятная величина этой суммы. Даже после постоянных повторений размер аферы не переставал поражать.

— ...означает, что дело весьма запутанное. И тот факт, что эти деньги девались неизвестно куда, не облегчает положения. Ленни Брукштайн — мошенник. Однако глупцом его не назовешь. Как и его супругу, Грейс Брукштайн. Содержание документов, найденных в «Кворуме», настоль-